

УДК 323.39

DOI: 10.34670/AR.2026.78.60.003

Политическая элита: понятие и сущность в современном политологическом дискурсе

Леонидченко Антон Андреевич

Аспирант,
кафедра философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: leonidchenko.anton@gmail.com

Немчинов Иван Денисович

Аспирант,
кафедра философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: inemchinovivan@gmail.com

Аннотация

В статье систематизируются основные подходы к определению политической элиты, сложившиеся в зарубежной и отечественной политической науке. Реконструируются ценностно-нормативная линия (Платон, Х. Ортега-и-Гассет), классическая элитология В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса, институциональный подход Ч. Р. Миллса, плюралистическая модель Р. Даля, дистрибутивный критерий Г. Лассуэлла, позиционно-десизионный подход Р. Патнэма, ресурсно-капитальная концепция П. Бурдьё, теория консолидации элит Дж. Хигли и М. Бертона, а также работы российской элитологической школы (Г. К. Ашин, О. В. Гаман-Голутвина, О. В. Крыштановская, А. В. Понделков, А. М. Старостин). На этом основании формулируется рабочее определение политической элиты, опирающееся на разграничение между ресурсной обеспеченностью индивидов и институциональным спросом на конкретный тип ресурсов. Предложенное определение позволяет удерживать ценностное и позиционное измерения элитологического анализа в единой концептуальной рамке.

Для цитирования в научных исследованиях

Леонидченко А.А., Немчинов И.Д. Политическая элита: понятие и сущность в современном политологическом дискурсе // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 4А. С. 30-38. DOI: 10.34670/AR.2026.78.60.003

Ключевые слова

Политическая элита, элитология, рекрутирование элит, ценностный подход, позиционный подход, циркуляция элит, политический класс, российская элитология, институциональный спрос, политическое лидерство, социальная стратификация.

Введение

Понятие политической элиты остается одним из наиболее используемых и, одновременно, дискуссионных в современной политической науке. К нему обращаются исследования, посвященные механизмам государственного управления, рекрутированию правящих групп, динамике политических режимов. Однако на стадии операционализации оно обнаруживает свою терминологическую неустойчивость. За более чем столетие активного развития элитологии сложилось несколько самостоятельных исследовательских традиций, включающих ценностную, организационную, институциональную, позиционную и ресурсную. Каждая из них предлагает собственный критерий причисления к элите, а выбор определения в конкретном эмпирическом исследовании во многом предопределяет его результат.

Сложившееся положение порождает устойчивую методологическую трудность. Исследователь, обращающийся к проблематике элит, оказывается перед альтернативой: либо принять одну из конкурирующих концепций вместе со свойственными ей ограничениями, либо остаться в рамках общего смыслового поля понятия, утрачивая аналитическую строгость. Преодоление этого разрыва предполагает не отказ от какой-либо из сложившихся традиций, а их аналитическое соединение в рамках единой концептуальной конструкции.

Основное содержание

Французское слово «*élite*» (рус. «элита») происходит от латинского «*eligere*» в значении «выбирать» [Дыдынский, 1896]. Слово «элита» в социально-политическом контексте появляется уже с устойчивой оценочной нагрузкой. Как указывает Г. К. Ашин, начиная с XVII в. оно использовалось применительно к наиболее качественным товарам, в XVIII в. распространилось на «избранных людей» преимущественно знатного происхождения и отборные воинские части, в XIX в. вошло в семеноводство и генетику применительно к лучшим сортам растений и пород животных, предназначенных для последующего воспроизведения [Ашин, 2010].

В философии эта оценочная нагрузка не просто сохранилась, но и приобрела концептуальную форму. Примечательна позиция испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, который описал в «Восстании масс» (*La rebelión de las masas*, 1929) один из знаковых образов «избранного меньшинства». В этом контексте он понимал под элитой не тех, кто формально получил этот статус по принципу рождения, доволен тем, какой он есть или занимает место в управленческой иерархии, а тех, кто добровольно требовал от себя большего, нежели основная масса людей. Автор подчеркивал, что стратификация общества на «избранные меньшинства» и «массы» носит типологический характер и не связана с управленческой иерархией и фактической принадлежностью индивида к определенным социальным классам [Ортега-и-Гассет, 1997]. Это разграничение значимо для понимания основания критерия элитарной избранности, основанного на этической, а не политической составляющей. Такой подход носит нормативный характер, так как в данном случае автор отвечает на вопрос «кто достоин власти?» независимо от положения в обществе.

Параллельно в политической науке рубежа XIX–XX столетий получает развитие и аналитический подход, который ставит вопросы с другой стороны: «кто реально осуществляет власть и почему?», «каковы универсальные закономерности, определяющие это?». Первые развернутые ответы на эти вопросы появились в работах представителей итальянской социологии В. Парето и Г. Моски. При значительной разнице в подходах их объединял тезис о

том, что власть меньшинства над большинством представляет собой социологическую закономерность, которая требует научного объяснения.

В. Парето формулирует теорию элиты на основе концепции «индекса способностей», согласно которой каждому индивиду можно присвоить определенный балл, отражающий степень проявления и реализации его качеств, отражающий фактическое состояние человека, а не потенциальное. Например, тот, кто обладает значительным денежным состоянием независимо от способов его получения, получает максимальный балл, а умирающий от голода – минимальный. Так, к классу элиты принадлежат те, кто получает наибольшее количество баллов в своей области деятельности. При этом элита делится на правящую и неправящую, где первая прямо или косвенно участвует в политическом управлении, а вторая включает всех остальных индивидов с высоким индексом способностей. Автор последовательно исходит из качественного и фактического принципа принадлежности избранному меньшинству. Применительно к политическому дискурсу В. Парето вводит термин «циркуляция элит», согласно которому постепенно деградирующая правящая группа вытесняется более энергичной, пришедшей снизу, и далее цикл повторяется. Отсюда следует, что класс правящей элиты перманентно находится в состоянии трансформации и в каждом отрезке времени уникален и зависит от конкретного общественного запроса, например, в военное время правительство требует нахождения у власти большего количества военных, чем в мирный период [Парето, 2008].

Г. Моска выдвинул иной подход к объяснению доминирующего положения избранного меньшинства, основанный на организационном принципе. В своем труде «Правящий класс» (*Elementi di Scienza Politica*, 1896) он сформулировал закономерность, согласно которой организованное меньшинство неизбежно получает господство над неорганизованным большинством, так как внутренняя организованность, сплоченность и способность к координации действий оказываются более весомым политическим ресурсом, чем численность [Mosca, 1939]. Помимо этого, автор указывает, что индивиды, составляющие политический класс, обладают набором уникальных качеств, которые высоко ценятся в конкретном обществе в зависимости от этапа развития: для менее развитых – это военная доблесть, которая уступает со временем богатству или религиозному авторитету, а для наиболее развитых государств важнейшее значение приобретают специальные знания и научная культура, а также способность эффективно применять их на практике на пользу государства [Mosca, 1939].

Особого внимания заслуживает тезис Г. Моски о противоположных тенденциях воспроизводства аристократической и демократической элит. Первая выражается в стремлении действующего правящего класса сохранять закрытый характер и допускать в свои ряды только потомков уже находящихся у власти семей. Вторая, напротив, состоит в обновлении управляющего меньшинства за счет притока наиболее способных представителей из управляемого большинства. По убеждению Г. Моски, наиболее устойчивым оказывается политическое устройство, при котором аристократическая тенденция уравновешивается постепенным и непрерывным включением в элиту людей из низших социальных слоев, обладающих волей и способностью к управлению [Mosca, 1939].

Если В. Парето и Г. Моска фокусировались на моделях формирования и обновления правящих групп в масштабе общества в целом, то третий аспект классической элитологии был открыт немецким социологом Р. Михельсом, который обратил внимание на организационную природу олигархизации, то есть процесса, происходящего внутри отдельных политических институтов. Его исследования сосредоточились на внутренней работе политических партий и, в частности, немецкой Социал-демократической партии. Эта партия заявляла об исключительной

приверженности принципам демократии и наиболее показательно иллюстрировала парадокс, который Р. Михельс затем применял как универсальный закон. В своей работе «Социология политических партий в условиях демократии» (1911) он сформулировал «железный закон олигархии», утверждая, что любая организация, независимо от ее демократических устремлений, со временем неизбежно концентрирует реальную власть в руках профессионального руководящего меньшинства, что обусловлено рядом причин [Михельс, 1990]. Усложнение организационных задач влечет потребность в специальных знаниях и умении публичных выступлений, которыми рядовые члены не обладают. Это приводит к формированию прослойки профессиональных функционеров, особого класса, который монополизирует доступ к информации, организационным ресурсам и полномочиям по принятию решений [Михельс, 1990]. Бюрократизация аппарата, расширение его полномочий и постепенное дистанцирование от большинства рядовых членов превращают руководящую группу в самостоятельную силу, интересы которой все более расходятся с интересами тех, кого она формально представляет [Михельс, 1990].

В середине XX столетия теория элит получила новый импульс благодаря критической социологии. Ч. Р. Миллс в работе «Властвующая элита» (*The Power Elite*, 1956) показал, что на вершине американского общества действует относительно замкнутый «высший круг», внутри которого переплетены интересы руководителей крупнейших корпораций, военной верхушки и политического истеблишмента [Mills, 1956]. По Ч. Р. Миллсу, это не следствие сговора, а структурный феномен, обусловленный исторической динамикой развития США. Условия перманентной военной экономики привели к тому, что профессиональные политики уступают лидирующие позиции в принятии реальных решений «корпоративным вождям» и «профессиональным полководцам» [Mills, 1956]. Ч. Р. Миллс тем самым впервые сформулировал институциональный ответ на вопрос о причинах распределения реальных властных полномочий, в основе которых находится фактическое занятие руководящих позиций в ключевых институтах, безотносительно личных качеств или организационного заговора [Mills, 1956]. Ч. Р. Миллс описал ситуацию, при которой политик как самостоятельная фигура уступает место функционерам, чьи фактические властные полномочия определяются контролирующими позициями в государственных институтах, а не электоральным мандатом. Такие изменения в парадигме реального государственного управления обозначают проблему, к которой элитология будет возвращаться на протяжении второй половины XX века: при каких условиях функциональная компетенция начинает вытеснять классические основания осуществления власти в условиях демократического режима?

Иную модель распределения власти предложил соотечественник Ч. Р. Миллса и сторонник плюралистического подхода Р. Даль в своем труде «Кто правит? Демократия и власть в американском городе» (*Who Governs? Democracy and Power in an American City*, 1961). На материале эмпирического исследования политической жизни города Нью-Хейвен (США) в области образования, городского планирования и кадровых назначений автор обнаружил, что не существует единой группы, контролирующей все три сферы одновременно, а в действительности власть рассредоточена между конкурирующими группами влияния, каждая из которых доминирует лишь в своем ограниченном секторе [Dahl, 1961]. Впоследствии на основе этого наблюдения Р. Даль развил модель «полиархии» как политического устройства с высокой степенью открытости для публичной конкуренции и широким участием граждан в политическом процессе [Dahl, 1971].

Дискуссия элитистов и плюралистов середины XX века не привела к окончательной победе одной из сторон, однако существенно продвинула научное сообщество в дальнейшем

осмыслении содержания термина элита. Уже классики элитологии исходили из разных оснований: Х. Ортега-и-Гассет и В. Парето определяли элиту через качества ее членов, Г. Моска – через организационное превосходство меньшинства, Р. Михельс использовал логику бюрократизации, Ч. Р. Миллс анализировал занятие институциональных позиций. Несмотря на разницу в подходах исследователей, за ними можно проследить два различных направления, к которым тяготеет современная элитология.

Первое – ценностное или меритократическое. В этой парадигме элита рассматривается с позиции вопроса «кто достоин власти?» и определяется через такие личные качества, как компетентность, интеллект, воля, способность принимать верные решения. Истоки этой линии восходят к платоновским «философам-правителям», и на протяжении всей истории политической мысли она обосновывала исключение большинства из государственного управления, имея в основе идею качественного превосходства меньшинства [Платон, 1994].

Второе направление отвечает на другой вопрос: «кто фактически осуществляет власть и как это установить?». В его рамках сложилось несколько самостоятельных методологических подходов. Г. Лассуэлл ввел дистрибутивный критерий: элита – те, кто получает наибольшую долю общественно значимых ценностей [Lasswell, 1950]. Р. Патнэм выработал позиционно-десизонный критерий, согласно которому к политической элите относятся лица, занимающие вершину властной иерархии и способные значительно влиять на общество. Р. Патнэм также отмечает, что человек, оказывающий влияние в одной конкретной сфере деятельности, не обязательно будет входить в элиту другой сферы [Putnam, 1976]. Сильная сторона подхода Р. Патнэма состоит в том, что она включает в состав элиты не только формально избранных политиков, но и советников, руководителей крупных государственных структур, технических экспертов – всех тех, кто осуществляет реальное влияние на государственную политику. Согласно позиционному дискурсу, элита определяется через фактическое положение в системе принятия решений и наличие возможности реально влиять на политические процессы.

Каждая из двух логик имеет свои теоретические ограничения. Ценностная рискует превратиться в инструмент легитимации. Хотя сама по себе она отвечает на вопрос «кто достоин власти?», ее логика легко искажается, и тогда вместо оценки качеств достойных она начинает приписывать достоинства тем, кто уже находится у власти. Вторая, напротив, фиксирует, кто реально занимает управленческие позиции, но не объясняет, почему эти люди их заняли, а не другие. Концептуальный подход П. Бурдьё дает возможность ответить на оба вопроса одновременно. Хотя П. Бурдьё и не относится к классической элитологической школе, его исследования механизмов воспроизводства правящих групп непосредственно касаются проблематики элит. Он разработал теорию «социального пространства», в рамках которого существуют экономическая, культурная, социальная и особая, символическая формы капитала, распределяющиеся между агентами в рамках соответствующих полей [Бурдьё, 1993]. В логике подхода П. Бурдьё вхождение в элиту описывается через специфическую конфигурацию нескольких ресурсов. Люди попадают на командные позиции, так как располагают определенной комбинацией ресурсов, востребованной конкретной институциональной средой. Отсюда следует общий методологический тезис: одна и та же группа носителей определенного вида капитала может оказаться внутри элиты или за ее пределами в зависимости от того, какой тип ресурса востребован институциональной средой в данный момент. Концептуальная сила подхода П. Бурдьё состоит именно в этом разграничении между ресурсной обеспеченностью индивидов и институциональным спросом на конкретный тип ресурса.

Существенный вклад в понимание элит в условиях системных трансформаций внесли Дж. Хигли и М. Бертон, предложившие различие «консолидированных» и «фрагментированных»

элит. Согласно их аргументу, устойчивость политического режима определяется достижением согласия относительно базовых правил игры внутри элиты [Higley, Burton, 2006]. Если такое согласие есть, то система способна преодолевать кризисы без структурного слома, в противном случае нестабильность становится структурной проблемой режима.

Рассмотренные концепции формировались на реалиях западных демократий – в обществе с устоявшимися институтами конкуренции, независимой прессой и относительно автономной судебной властью. Перенос этих концепций на качественно иной социальный контекст требует существенных оговорок, так как, например, отечественная элитология формировалась в условиях существенных идеологических ограничений.

Элитологические исследования в России не располагают длительной научной традицией [Понеделков, Старостин, 2004]. С 80-х годов прошлого века элитологическая проблематика проникла в советскую политическую науку и существовала исключительно в жанре «критики буржуазной социологии», а понятие элита применительно к советскому обществу не использовалось [Ашин, 2010].

После 1991 г. ситуация изменилась. В течение полутора десятилетий в России сложилась самостоятельная исследовательская традиция. Г. К. Ашин систематизировал мировую элитологическую мысль и заложил основания отечественной элитологии как самостоятельного научного направления [Ашин, 2010]. О. В. Гаман-Голутвина проследила эволюцию отечественных политических элит на протяжении нескольких столетий, выявив, что каждый цикл модернизации сопровождался сменой доминирующего типа правящей группы [Гаман-Голутвина, 2006]. О. В. Крыштановская на обширном эмпирическом материале описала типологию российской элиты переходного периода и зафиксировала механизмы конверсии номенклатурного статуса в экономический капитал – от создания «уполномоченного бизнеса» на базе государственных ресурсов до делегирования коммерческих полномочий доверенным выдвиженцам прежней власти [Крыштановская, 2005]. А. В. Понеделков и А. М. Старостин создали ростовскую школу региональной элитологии и на обширном эмпирическом материале исследовали процессы формирования постсоветских административно-политических элит на региональном уровне [Понеделков, Старостин, 1998]. Из указанных исследований следует, что трансформация российской политической элиты в постсоветский период не сводилась к замене одних лиц другими, а происходила за счет изменений принципов рекрутирования. Эта смена оснований, по которым осуществляется рекрутирование во власть, образует ключевой предмет современной отечественной элитологии.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что сложившиеся в политической науке подходы к определению политической элиты не образуют единой непротиворечивой теории. Они складываются во взаимодополняющий набор аналитических перспектив. Ценностная линия отвечает на вопрос о критериях достоинства, позиционная фиксирует фактическое распределение власти, организационная раскрывает структурные предпосылки доминирования меньшинства, ресурсно-капитальная описывает механизмы конвертации различных видов капитала во властный ресурс.

На этом основании сформулировано рабочее определение политической элиты как относительно малочисленной, внутренне дифференцированной социальной группы, концентрирующей руководящие позиции в системе государственного управления и оказывающей определяющее воздействие на принятие политически значимых решений. Принадлежность к элите обусловлена комбинацией профессиональных, организационных и

социальных ресурсов, востребованных существующей институциональной средой и конвертируемых в реальный доступ к механизмам осуществления власти. Отдельный фактор сам по себе такой принадлежности не обеспечивает.

Аналитическая ценность определения состоит в разграничении между ресурсной обеспеченностью индивидов и институциональным спросом на конкретный тип ресурсов. Восходящее к концепции П. Бурдьё, оно позволяет описывать состав правящих групп через соответствие располагаемого индивидами капитала запросу институциональной среды. Тем самым ценностное и позиционное измерения элитологического анализа удерживаются в единой концептуальной рамке, пригодной для последующего эмпирического изучения трансформаций политических элит.

Библиография

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
2. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 447 с.
4. Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. 2-е изд., испр. и доп. Варшава: типография К. Ковалевского, 1896. 464 с.
5. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
6. Михельс Р. Необходимость организации: Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» / Пер. с нем. // Диалог. 1990. № 3. С. 54-61.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
8. Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. А.А. Зотова; науч. ред. М.С. Ковалевой. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.
10. Понделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д: СКАГС, 1998. 238 с.
11. Понделков А.В., Старостин А.М. Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти // Политическая наука. 2004. № 1. С. 134-161.
12. Dahl R.A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.
13. Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. 257 p.
14. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. 235 p.
15. Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, 1950. 264 p.
16. Mills C.W. The Power Elite. New York: Oxford University Press, 1956. 423 p.
17. Mosca G. The Ruling Class (Elementi di Scienza Politica) / Translation by H.D. Kahn. New York; London: McGraw-Hill Book Company, 1939. 514 p.
18. Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

Political Elite: Concept and Essence in Contemporary Political Science Discourse

Anton A. Leonidchenko

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Sociology,
Academy of Labour and Social Relations,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: leonidchenko.anton@gmail.com

Ivan D. Nemchinov

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Sociology,
Academy of Labour and Social Relations,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: inemchinovivan@gmail.com

Abstract

The article systematizes the main approaches to defining the political elite that have developed in foreign and Russian political science. It reconstructs the value-normative line (Plato, H. Ortega y Gasset), classical elitology of V. Pareto, G. Mosca and R. Michels, the institutional approach of C. R. Mills, the pluralistic model of R. Dahl, the distributive criterion of H. Lasswell, the positional-decisional approach of R. Putnam, the resource-capital concept of P. Bourdieu, the theory of elite consolidation by J. Higley and M. Burton, as well as the works of the Russian elitological school (G. K. Ashin, O. V. Gaman-Golutvina, O. V. Kryshтанovskaya, A. V. Ponedelkov, A. M. Starostin). On this basis, a working definition of the political elite is formulated, based on the distinction between the resource endowment of individuals and the institutional demand for a specific type of resources. The proposed definition allows the value and positional dimensions of elitological analysis to be held within a single conceptual framework.

For citation

Leonidchenko A.A., Nemchinov I.D. (2026) Politicheskaya elita: ponyatiye i sushchnost' v sovremennom politologicheskom diskurse [Political Elite: Concept and Essence in Contemporary Political Science Discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (4A), pp. 30-38. DOI: 10.34670/AR.2026.78.60.003

Keywords

Political elite, elitology, elite recruitment, value approach, positional approach, elite circulation, political class, Russian elitology, institutional demand, political leadership, social stratification.

References

1. Ashin, G. K. (2010). *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost* [Elitology: History, theory, modernity]. MGIMO-University.
2. Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics] (N. A. Shmatko, Trans.). Socio-Logos.
3. Dahl, R. A. (1961). *Who governs? Democracy and power in an American city*. Yale University Press.
4. Dahl, R. A. (1971). *Polyarchy: Participation and opposition*. Yale University Press.
5. Dybinsky, F. M. (1896). *Latinsko-russkiy slovar k istochnikam rimskogo prava* [Latin-Russian dictionary of the sources of Roman law] (2nd ed.). K. Kovalevsky Printing House.
6. Gaman-Golutvina, O. V. (2006). *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political elites of Russia: Milestones in historical evolution]. ROSSPEN.
7. Higley, J., & Burton, M. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Rowman & Littlefield.
8. Kryshтанovskaya, O. V. (2005). *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Zakharov.
9. Lasswell, H. D. (1950). *Politics: Who gets what, when, how*. Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company.
10. Michels, R. (1990). *Neobkhodimost organizatsii: Glava iz knigi «Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii»* [The need for organization: Chapter from "Sociology of a political party in a democracy"]. *Dialog*, (3), 54-61.
11. Mills, C. W. (1956). *The power elite*. Oxford University Press.
12. Mosca, G. (1939). *The ruling class (Elementi di scienza politica)* (H. D. Kahn, Trans.). McGraw-Hill Book Company.

13. Ortega y Gasset, H. (1997). *Izbrannye trudy* [Selected works] (A. M. Rutkevich, Ed.). Ves Mir.
14. Pareto, V. (2008). *Kompendium po obshchey sotsiologii* [Compendium of general sociology] (A. A. Zotov, Trans.; 2nd ed.). Publishing House of the State University Higher School of Economics.
15. Plato. (1994). *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3* [Collected works: In 4 vols. Vol. 3] (A. F. Losev, V. F. Asmus, & A. A. Takho-Godi, Eds.). Mysl.
16. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (1998). *Vvedenie v politicheskuyu elitologiyu* [Introduction to political elitology]. SKAGS.
17. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2004). *Sovremennye rossiyskie elity: osobennosti genezisa, vzaimodeystviya i pozitsionirovaniya vo vlasti* [Modern Russian elites: Features of genesis, interaction, and positioning in power]. *Political Science*, (1), 134-161.
18. Putnam, R. D. (1976). *The comparative study of political elites*. Prentice-Hall.